

Луной залитые,
Средь дымки и снов
Мелькают святые
Минувших веков.

Артур Рэмбо

«На Охту! На Охту?.. Зачем на Охту? Почему бежать?..»

Её сознание причудливо спуталось — внешнее перехлестнулось с внутренним. Как в карусели, мелькали лица, фрагменты зданий, весенняя грязь на асфальте, кроны деревьев, грохот машин, отрывистый щебет нервных городских птах. И всем этим владело смятение, пробивавшееся сквозь инертный, рыхлый слой тоски, обволокший её душу.

«Зачем на Охту? И кто она, та... женщина?»

Ольге казалось, будто она впервые попала сюда, хотя с детства знала этот угол Большого и Лахтинской. Впрочем, тогда тут был сквер, а сейчас сверкал стеклянными плоскостями и полированным мрамором торговый центр. Откуда она только что выскочила сломя голову.

«Господи, ну зачем мне на эту Охту?!»

* * *

Час назад она сидела за столиком в кафе на четвертом этаже ТЦ, не глядя вниз, на спешащих людей и пролетающие машины. Ни те, ни другие её нисколько не интересовали, как и стоящие перед ней не дешёвый десерт и чашка капучино. Больше всего её занимал пустой стакан, откуда потягивало колодезным духом шотландского виски, который она терпеть не могла. Но этот стакан — всё, что осталось от НЕГО.

«Ну как же так можно?!» — в триста пятьдесят четвёртый раз задавала она себе вопрос. Взять и уйти — вот так, после десятиминутной встречи в кафе... Хотя она весь последний месяц догадывалась: что-то у них с Максом неладно. Отсюда и эта её дни и ночи отравляющая тоска. Хотя, наверное, не отсюда — она поселилась в ней раньше, гораздо раньше...

Конечно, Ольга всегда понимала, что молодой директор питерского филиала преуспевающей международной фирмы в жизни не бросит семью — ради неё. Это по меркам большинства сограждан её зарплата в дизайнерском агентстве почти богатство. А по меркам Макса и его окружения Ольга обычная нищербродка. А вот его жена — дочка важного

городского чиновника. А Макс — сынок другого чиновника. И на союзе этих двух папаш держится благосостояние не только Максовой семьи. В общем, безнадёга. Ольге было бы достаточно того, что происходило за эти полгода — мимолетные встречи в номерах отелей, изредка — походы в рестораны или на концерт, эсэмэски по вечерам... Это было тревожно, жалко и временами стыдно, но давало хоть какое-то ощущение, что жизнь движется. А теперь он пришёл в кафе, и между двумя глотками виски объявил, что уезжает. За океан. В центральный офис фирмы. Надолго. На несколько лет. С семьёй. И — это всё, Оля.

Теперь она сумрачно пялится на пустой стакан. Надо бы прекратить это, вскочить, добежать до дома — благо он совсем близко, на Большой Пушкинской — уткнуться в подушку, выдавить в неё всю скопившуюся горечь. Но ноги ощущались вросшими в пол тумбами.

И главное, в глубине души она знала — дело не в Максе. Ведь до него был красивый Илья, а до него забавный Вовчик. И всё как-то не складывалось, и всё было что-то не то, и рассыпалось неприятной липкой крошкой, как песочное пирожное.

Ольга с отвращением взглянула на заказанный ей Максом десерт.

Теперь она могла честно признать, что не очень-то была в него влюблена. Но почему ей так страшно и больно его терять?.. На прошлой неделе, вся изведясь тревогой, даже последовала совету подруги и съездила на Смоленское кладбище, к зеленой часовне среди старых деревьев и тихих могил, многие из которых куда старше деревьев. Постояла немного внутри часовни, послушав не очень понятную скороговорку священника, потом вместе со всеми подошла к мраморному кубу гробницы, прикоснулась к нему — поцеловать, тем более встать на колени, побрезговала. Трижды обошла часовню, оставила записку: «Сделай, чтобы Макс ушел от жены и был со мной». Чувствовала себя очень глупо и с кладбища ушла быстро.

Что-то заставило её оторвать взгляд от стакана.

Старуха. Во всяком случае, сначала Ольга восприняла её так. Просто этот платок... Аккуратный белый платок на голове — так в Питере не ходили уже даже совсем древние бабуся. Разве что веруны какие-нибудь... Платок был неким хитроумным образом завязан, а ещё частично покрывал плечи. Ниже была бесформенная кофта блёклого болотного цвета.

«Нищенки мне тут ещё не хватало», — досадливо мелькнуло в голове у Ольги. При своём, тщательно лелеемом, имидже самодостаточной, независимой, даже несколько жёсткой женщины в глубине души она была скована и застенчива. Чтобы отказать человеку или поставить кого-то на место, ей всегда требовалось сделать над собой усилие. Впрочем, внешне это никак не проявлялось.

— Простите, здесь занято, — ледяным тоном произнесла она.

Нет, не нищенка.

Нищенки не глядят так — пристально, спокойно и как-то... отрешённо. И нет у нищенок таких глаз — огромных и сияющих, как звёздное небо.

— Занято, занято. Занят он, этот твой... голова кобылья. Ишь что удумала — супруг делить. В путешествие они отправились, далё-ёкое. Тебе не по пути пока.

Голос вовсе не походил на старушечий — без скрипа и надлома. Слегка распевный, негромкий, но слова ясно-отчётливы. Словно в тёмном и тихом зале кто-то мерно произносит очень важные фразы.

Ольга не вникла в смысл слов. На миг по непонятной причине её охватила безумная паника, сменившаяся ступором. Она глядела на женщину, не зная, что сказать.

В гламурном интерьере псевдоитальянского кафе та смотрелась не просто чужеродно — несовместимо. Настолько, что хотелось немедленно убрать — или старушку из кафе, или кафе от неё.

«Сумасшедшая. Этого ещё не хватало», — как ни странно, мысль эта Ольгу немного успокоила, поскольку сводила мутную ситуацию к понятным категориям.

Она беспомощно огляделась в надежде, что хоть кто-то — официант, охранник, барменша — избавят её от неприятности. Но зал был совершенно пуст. Ольга была тут с женщиной наедине.

Встать и уйти!

Но она по-прежнему не в силах была сделать это.

Когда Ольга вновь посмотрела на женщину, ей показалось, что в глазах той прячется усмешка. Однако лицо оставалось безмятежным. Странное лицо — не молодое, но и не старое. Конечно, без всякой косметики, но и без пятен и неровностей. Словно лицо статуи. Но живое — определено живое. И даже очень.

И она совершенно точно усмехалась.

— Нечего оглядываться. Никто меня не выгонит. Я тут хозяйка.

«Может, и правда хозяйка? Всякие же бывают...»

— В смысле, хозяйка кафе? — изо всех сил скрывая усиливающуюся робость, спросила Ольга.

Усмешка женщины стала совсем явной, но лицо каким-то образом не потеряло бесстрастия.

— Да всего дома.

— Торгового центра?

— Того дома, что тут был.

«Сумасшедшая»

— Но... раньше здесь не было дома.

«Зачем я с ней разговариваю?!»

— Был. Когда тебя ещё не было. И прабабок твоих. Мой дом. А после — Божий. И должен быть. Вместо этого, что оканные поставили.

Женщина обвела кафе вдруг яростно засверкавшим взглядом.

— Вот что, дама, — Ольга собрала остатки решительности. — Не могли бы вы оставить меня в покое?

— А ты сама-то себя в покое оставишь?..

В ее словах словно зазвенело железо, хотя речь оставалась столь же ровной, негромкой и напевной.

— Идё-ёте и идё-ёте, про-осите и про-осите — да всё о суетном, неважном, блудном. Будто во сне живёте, сами на себя смотрите. Тьфу, — в голосе не было злобы, но от каждого слова Ольгино сердце сжималось. — Не пришла бы я к тебе, да Андрюшку жа-алко. Молятся за него прадеды с прабабками, друзи мои и искренние.

Ольга уже не пыталась вникать в смысл слов. Она лишь мечтала, чтобы это кончилось — скорее, скорее.

А женщина, не меняя образа, непостижимо преобразилась. Стояла прямо и недвижно, словно парила, словно ей не нужно было прилагать усилий, чтобы стоять на земле. Сзади из большого окна её освещало пробившееся из-под питерского глухого неба солнце. Наверно, поэтому болотная кофта стала прозрачно-зелёной, почти изумрудной. А красная юбка под ней буквально пылала — словно женщина стояла по пояс в пламени. Лишь кроткая белизна платка сдерживала эту рвущуюся в мир яростную силу.

От страха и неожиданности Ольга машинально схватила чашку и сделала глоток остывшего противного капучино.

— Вот ты тут кофе пьёшь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги туда скорее!

Ольге показалось, что женщина произнесла это, не открывая рта, и от этого ужас девушки усилился.

— Куда? — почти прошептала она.

— На Охту, — Ольга не поняла, прозвучал этот голос в её ушах или в сердце.

...Солнце перестало слепить глаза — его опять затянули облака. Женщины не было.

«Ушла? Но почему я не видела?»

Ольга оглянулась. Позади стоял официант.

— Желаете что-нибудь?

— Женщина... Тут была женщина.

— Девушка, вы тут одна уже час сидите...

Ольга не помнила, как оказалась на улице. Она словно бы глядела на себя со стороны — растерянно стоящую среди спешащих людей.

«Зачем же на Охту?»

* * *

Творилось странное — он как будто забыл, кто он, где находится и что происходит. Хотя на самом-то деле в нём жила память, что он доктор Андрей Голубев, неплохой хирург, трудящийся в престижной клинике, счастливый муж и отец прекрасной дочери. И что стоит он сейчас в молчаливой группе людей на прелой по весне земле Большеохтинского кладбища, пытаюсь понять, какое отношение к его судьбе имеет блёклая кукла, лежащая в полированном ящике.

Зачем он здесь вообще?! Ему хотелось домой, к добрым глазам Маши и золотистому смеху маленькой Ксении. При этом он обречённо и до конца понимал: Маша здесь — она вот это... лежащее под белой простыней. И оно сейчас будет закопано. Но эта мысль просто не могла уместиться в его сознании. При этом некий другой Андрей, пугающе спокойный, даже какой-то мертвенный, глядел на происходящее словно со стороны, холодно констатируя: «Маша умерла. Я обезумел. Моя жизнь окончена».

На кладбище жгли прошлогоднюю траву и горький дым одурманивал его. Он безропотно и механически совершил все потребные движения: крестился и кланялся, когда батюшка произносил молитвы, наклонился над ящиком, ощутив губами стылую упругость лежащего там предмета, смотрел, как закрытый ящик спускают в яму, бросил на него ком рыхлой земли... А потом его охватило тяжкое оцепенение. Он стоял перед пёстрым холмиком и не мог сдвинуться с места.

— Андрей, давай, автобус ждёт, — тянул его кто-то за рукав.

Но он не реагировал.

— Оставайтесь с ним кто-нибудь, — раздавались голоса.

Энтузиазма никто не проявлял. Все очень жалели вдовца, но устали, напереживались, замёрзли и проголодались. Им хотелось ехать в кафе, где уже были накрыты столы для поминок, выпить и закусить, грустить, говорить о покойнице хорошие слова...

— Я за ним присмотрю, — раздался вдруг тихий женский голос.

Девушка была красивой и модно одетой, хотя волосы под шляпкой растрепались, макияж слегка поплыл, а сапоги были в грязи. Её никто не знал, но все почему-то решили, что это близкая знакомая Андрея. Конечно же, она побудет с ним, а потом уведёт с кладбища. И все облегчённо стали грузиться в автобус.

«На Охту!»

Она второй час брела по городу, но так и не могла уяснить, зачем делает это.

И почему именно идёт, почему не села в маршрутку — доехала бы за полчаса? Но нет — Ольга с места в карьер отправилась мимо своего дома в переплетение мелких улочек Петроградки, перешла Большую Невку и теперь мерно шагала по бесконечной набережной.

Она ведь даже не очень хорошо знала этот путь. Да и что значит — на Охту? Охта большая...

Но что-то в её душе ясно осознавало, что она идёт верно, и это будоражило и пугало.

Ноги в сапогах на шпильках словно были уже и не её, всё больше сводило привыкшую к офисному креслу поясницу, лоб под шляпкой вспотел. Ольге казалось, что она со стороны с удивлением глядит на эту странную девушку, упрямо шагающую вдоль Невы, не обращая внимания на усталость, боль и грязные лужи.

И ещё ей казалось... Это чувство было уж совсем невероятным. Но она... знала. Знала, что много-много лет назад, когда ещё не родилась её прапрабабка, другая девушка после слов: «Беги на Охту!» шла тем же путём. Ну, не совсем тем: город был ниже, беднее, грязнее, в нём было куда больше свободного пространства. Только жемчужно-пушистое низкое небо, порой пропускающее волшебный солнечный луч, было тем же. Но не было гранита набережной и ровной плитки под ногами — лишь утоптанная тысячами ног и раскатанная тележными колесами дорога. Не было ни купающегося в зеленой весенней дымке, сияющего крестами Смольного собора на том берегу, ни современных высоток вдали. Она проходила мимо новых дворцов и храмов, но на других участках было пустынно и малоллюдно, раздавался стук плотницких топоров, грубая брань и собачий вой. Шла мимо чумазных лавок, дровяных сараев и богатых особняков за глухими заборами. Вываливающиеся из убогих трактиров оборванные мужчины провожали её взглядами, иногда крича вслед что-то непотребное. Ей было страшно и больно — в ногах, спине. Но она шла, будто не могла остановиться, пока не достигнет таинственной цели. Ещё она плыла по реке на лодке, глядя, как с натугой гребёт лохматый лодочник, умело уходящий от столкновения с неторопливо идущими парусниками.

Ольга словно бы раздвоилась. Она шла мимо жилых корпусов из бетона, магазинов с манекенами в роскошных витринах, кафе и ресторанов. Но она же — мимо рядов одинаковых бревенчатых изб, зеленых рожиц и аккуратных домиков под красными черепичными крышами. Раздавалось цоканье копыт запряженных в дрожки лошадей, пощипывали траву меланхоличные коровы...

Миновав кварталы пятиэтажек, где в двориках играли дети, а женщины высаживали цветы в клумбах, пройдя старый стадион, Ольга уперлась в черную ограду кладбища. Не раздумывая, вошла в калитку и двинулась мимо могил — ухоженных, заваленных искусственными цветами. На некоторых горели свечи в красных стеклянных фонариках. Ровные огоньки выглядели совсем живыми, и словно зазывали дальше и дальше.

Неожиданно перед девушкой предстала небольшая желтоватопалевая церковь. В окнах мерно и таинственно мерцали свечи, раздавалось приглушённое пение.

«Может, мне сюда?»

Она была готова ко всему: два часа назад мир, который она полагала единственно реальным, рухнул, и она оказалась в каком-то другом, новом, правил которого совсем не знала.

Ольга вошла в храм.

Там было сумрачно. Свечи догорали, в свете лампадок едва мерцали оклады образов.

У аналоя стояла небольшая группа людей. Мужчина читал речитативом по церковнославянски. Потом подхватывал хор чистых женских голосов. Сначала Ольга разобрала лишь одно слово, повторённое несколько раз:

— Радуйся...

Почему-то ей и правда стало хорошо. Она подошла поближе. Ей нравился мерный голос священника и дружное звенящее вступление хора.

— Радуйся, страдания людския прозорливо в дали необозримей зревшая...

Люди крестились. Почти против воли Ольга тоже поднесла пальцы ко лбу. Вышло не очень ловко.

— Радуйся, Ксения блаженная, молитвенница о душах наших, — завершил хор, а голос священника продолжил:

— Хотя избавити от скорби плачущаго врача, жену хоронившего, ты повелела некоей девице на Охту бежати и тамо мужа себе обрести и утешити. И совершишася тако...

Один из молящихся подался в сторону, и Ольга увидела лежащую на аналое икону.

На ней была ТА женщина.

Зелёное, красное и сверху — белое. Прямая, словно устремлённая ввысь, фигура. ТО САМОЕ лицо.

Тихо вскрикнув, Ольга опрометью выскочила из храма и вновь оказалась на кладбище.

В вечернем воздухе разливался горький дух горящей травы.

Ольге больше не казалось, что она со стороны наблюдает за собой. Теперь она сама стояла здесь и сейчас. И на ней лежал другой взгляд — отрешённый, огромный и звёздный, как небо. Который словно подталкивал её.

Девушка торопливо пошла вглубь кладбища.

Здесь идти было гораздо труднее — запущенные могилы заросли искривлёнными деревьями и колючим кустарником. Но, продравшись сквозь заросли, Ольга вдруг оказалась на открытом месте. И там были люди. Они небольшой группой сгрудились вокруг заваленного пёстрыми венками и цветами холмика.

— Андрей, давай, автобус ждёт, — услышала она.

Парень потерянно стоял у могилы. Ольга даже не смогла понять, как выглядит его лицо. Оно было никаким — совершенно обескровленное, со сведёнными скулами и превратившимися в щели глазами. Парня уговаривали идти и подталкивали к стоящему поблизости автобусу, но он не замечал этого.

«Здесь», — поняла Ольга.

Она неслышно подошла и взяла парня за руку.

— Я за ним присмотрю.

* * *

Они рядышком сидели на тесной скамейке у чьей-то старой могилы, и молчали. Она по-прежнему держала его за руку. Теперь, когда автобус уехал, на кладбище опустилась безбрежная тишь. Лишь последние

трели на сон грядущих кладбищенских птах, да горький запах жжёной травы отделяли их от вечного покоя.

Андрей не знал, что за женщина сидит рядом с ним и зачем она это делает, но почему-то безумная боль стала притупляться. Он потерял нечто огромное и важное, но это уже не казалось ему концом жизни. И он больше не видел себя со стороны — раненого и растерянного. Он был здесь и сейчас, полностью принимая всё, что с ним случилось и что случится ещё.

Почему-то в нём возникло воспоминание из далёкого детства, почти похороненное в последующих событиях. Прабабка — петербурженка Бог знает в каком поколении — рассказывала ему, совсем малышу, семейное предание. Как некая святая, про которую тогда ещё не знали, что она святая, отправила одну из дальних прабабок этой прабабки на кладбище. И та пошла, и нашла там себе мужа. А если бы не пошла, не было бы его, Андрея. Рассказ и сейчас казался странным, словно донёсся из иного мира. Но при этом он был каким-то... правильным.

Воспоминание пришло и ушло, и Андрей перестал о нём думать. Ему просто хотелось сидеть на жесткой маленькой скамейке рядом с незнакомой молчаливой женщиной, слушая птичий щебет и вдыхая весну.

А Ольгины ощущения раздвоилось вновь. Она сидела рядом с мужчиной, о котором не знала ничего, но знала, что именно здесь и должна быть. Но ещё она видела вдаль и вширь — в пространстве и времени. Как далеко-далеко, за океаном, несущаяся по хайвею машина вдруг виляет и врезается в дерево, как спасатели с трудом извлекают из покорёженных обломков два тела. «Бедный Макс», — мелькает у неё отстраненная мысль. И тут же она видит, как играет с маленькой девочкой, которую зовут Ксюша. Картинка меняется, теперь она видит взрослых детей — её и мужчины по имени Андрей. Видит и его — постаревшего, что-то тихо говорящего ей, лежа на постели. Она смотрит на убранный венками и цветами могильный холмик — вот здесь, рядом с тем, который сейчас тоже пестреет, а тогда на его месте будет потускневший мраморный памятник. А теперь она чувствует на своей голове плотный клубок с апостольником. «Матушка Ксения», — обращается к ней кто-то.

Она видит, что вся жизнь — это тяжёлый и долгий путь на Охту. А всё, что с нами случается — и дурное, и радостное — всего лишь дорожные встречи. Но за Охтой ожидает другой, бесконечный и славный, мир.

Кладбище вдруг заискрилось в последнем всплеске закатного солнца. И тут ожило пламя, до тех пор незаметно точившее ворох мёртвой травы. Оно алым столбом взметнулось перед нежно-зелёным кустом, и Ольга явственно увидела сияющую фигуру женщины. Удивительно аккуратный клубочек белого дыма мгновение висел на том месте, где должно было быть лицо. Потом солнце потухло, пламя осело, и образ слился с темнеющим небом.